
А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

«И то твое не истинно иноческое житие...»

**(Монашеский идеал и повседневная хозяйственная жизнь
Кирилло-Белозерского монастыря)**

Трудно было бы найти для темы сегодняшних Первых Лихачевских чтений — «Христианство и древнерусская литература» — объект исследования более подходящий, чем монастырь Успения Пресвятой Богородицы, основанный на берегу Сиверского озера преподобным Кириллом в 1397 г. Его роль в истории русского монашества, в истории духовной жизни России последних трех веков до начала петровских преобразований исключительно велика и сопоставима с заслугами других крупнейших монастырей России, таких, как Троице-Сергиева лавра или Соловецкий монастырь. У всех на памяти связанные с ним творения русских зодчих XV—XVII вв., традиции иконописания, выдающиеся литературные памятники, созданные в стенах Кириллова монастыря, не говоря о великолепной библиотеке, знаменитой не только составом переписанных и собранных в ней книг, но и одним из первых и лучших рукописных книжных каталогов.

Кириллов монастырь с первых десятилетий своего существования был не только важнейшим духовным центром Русского Севера; ему принадлежат несомненные заслуги в хозяйственном освоении новых земель, в создании и укреплении единого Российского государства, как политическом (поддержка политики централизации, проводимой Москвой), так и военном, о чем напоминают величественные крепостные стены, привлекающие интерес историков архитектуры и военного строительства.

Поэтому была бы совершенно искусственной всякая попытка оторвать друг от друга разные стороны многообразной жизнедеятельности основателя монастыря и его продолжателей. Священноиноки, занятые повседневным богослужением, иконописцы и переписчики книг, зодчие и келари, старцы, занятые устройством повседневной хозяйственной жизни северной обители — земледелия, соляных промыслов и торговли, сложными взаимоотношениями с местной и центральной властью, были неразделимыми частями единого живого организма во всех его проявлениях и все вместе определяли его роль в истории народа и государства.

Для выполнения всех этих разнообразных жизненных функций в том обществе, какое исторически сложилось в Древней Руси (в данном случае речь идет о периоде с конца XIV столетия, т. е. непосредственно после Куликовской битвы, до кануна петровских преобразований), монастырь неизбежно должен был явиться субъектом господствующих в нем социальных отношений, иначе говоря — феодальным землевладельцем. Его место и роль в общественной и культурной жизни России определялись, в частности, и тем немаловажным обстоятельством, что в силу ряда причин он достаточно быстро сформировался как крупнейший земельный собственник, уступая в этом отношении только старшему своему собрату — Троице-Сергиевскому монастырю.

В результате многочисленных земельных вкладов, покупок, обменов и прямой покровительственной политики удельных и великих князей и царей монастырь к концу XVII в. стал собственником огромных земельных угодий, в основном сосредоточенных в Белозерском, Вологодском и Пошехонском уездах, но распространявшихся от берегов Белого моря до Дикого поля, включая многочисленные соляные промыслы, а также подворья в городах Белоозере и Москве, Вологде и Архангельске, Колмогорах и Устюге Великом, Нижнем Новгороде и Твери — всего более 16 тысяч десятин в поле пашенной земли, 5000 десятин сенных покосов и более 5000 крестьянских дворов. И создание, и успешное функционирование столь значительного хозяйства требовало постоянных усилий со стороны монастырской администрации и в то же время не могло не вести к возникновению сложных и часто конфликтных отношений с соседями, будь то черносошные крестьяне, помещики или другие монашеские обитатели. Неизбежные столкновения интересов нашли выражение в многочисленных документах, вводящих нас в суровую и далекую от идиллии повседневную хозяйственную жизнь Кирилловской вотчины.

Возникновение и решающие этапы развития земельных владений Кирилло-Белозерского монастыря исчерпывающим образом исследованы в классических трудах Н. К. Никольского и А. И. Копанева; более поздний период рассмотрен в моей статье.¹ Монастырская вотчина возникла и росла при активной поддержке центральной власти преимущественно благодаря земельным вкладам за счет боярских земель и черносошного крестьянского землевладения. Ограничительная политика центральной власти, связанная с необходимостью испомещения дворянства, не прекратила этот рост, но значительно замедлила его и привела к некоторым существенным изменениям в его характере и географической направленности.

О жестоком столкновении интересов в процессе возникновения монастырского промыслового хозяйства на Севере свидетельствует челобитная ненюкоцких посадских людей, поданная после пожалования в 1615 г. посада Ненюксы в вотчину Кириллова монастыря. «А за Кирилловым монастырем, государь, —

---

¹ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до первой четверти XVII в. СПб., 1897, 1910. Т. 1, вып. 1—2; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951; Горфункель А. Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и XVII в. // Изв. М., 1963. Вып. 73. С. 219—248.

писали сотский и пятидесятские «во всех посадских достальных людишек место», — жити нам невозможно, и с отчин своих от старцев и от слуг быти нам изгоненным», и просили не отдавать их в вотчину монастырю, чтобы «от Кириллова монастыря старцов от насильства из своих домишков и от промыслишков по твоей государеве вотчине не розбрестися». ² И хотя челобитная не возымела действия, и Ненокса была отписана в монастырь, впоследствии посад получил прежнюю самостоятельность, следствием чего явились новые жалобы, уже в 1619 г., на этот раз со стороны монастырских властей на чинимые им от «черных волосных ненокоцких крестьян <...> многие продажи и убытки» и на то, что «после войны и разорения те монастырские ненокоцких промыслов доли от волосных людей от насильства до конца разорены, и соляные варницы стали». ³

Формирование кирилловских соляных промыслов приводило к конфликтам не только с местными посадскими людьми, но и с соседними монастырями. В начале 1640-х гг. игумен Антониево-Сийского монастыря Игнатий писал кирилловскому ненокоцкому приказчику монаху Феофилу: «И вашего монастыря на той Сюзме реке сенных покосов и лесов нет, а владеете вы на той реке сенными покосы и лесами петровскими, а не своими кириловскими, потому вы крестьян к себе прикармливаете, и они все, бояся, отдают вам те сенные покосы и леса в празгу, а у иных вы и сильно отнимаете, а от Неноксы и до Сюзмы лес сместной, сечи всеми монастырями и крестьяны невозбранно». ⁴ На захват «смесных», общинных угодий жаловались ненокшане в челобитных и показывали в обыскных речах в 1644 г., что Кириллов монастырь «государевых лесов и волостных людишек пожнишка меж своими росчистными и выкупными пожнями огородил в тое своей огороде в одну сторону версты на три, а в другую сторону на четыре версты своим умышлением и насильством, хотя тот лес на дрова сечь и пожни росчищати одни в тое своей огороде кроме иных монастырских приказчиков и нас посадских людишек <...> И ныне нам к своим пожнишкам проезду нет для тое их огороды, и дров нам сетчи к варницам для соляного промыслу в тое огороде не дает, и скотинишку нашему выходу летом не стало, и проходу нет, и дров стало облизиди добыть негде <...> и сена добыть стало облизиди негде ж, а встарь преже сево в том месте огороды не было. А от тех огородов, что по дорогам загородил кирилловский приказчик, нам и скотинишку нашему чинитца великая гибель от черного зверя». ⁵

Подобные земельные споры, характерные преимущественно для вновь создаваемых владений Кириллова монастыря, приводили к вмешательству местных властей, далеко не всегда на стороне крупного вотчинника. В 1655 г. воевода Чарондской округи Никита Захарьевич Евфимьев обращался к архимандриту и соборным старцам Кирилло-Белозерского монастыря, упрекая их в самоуправстве: «Вам бы, господа, про то без сыску не учинити <...> и госу-

² Горфункель А. Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря С 231

³ Там же С 232

⁴ Там же С 233

⁵ Там же С 233—234

даревых крестьян, у которых ныне свезено сено, тем не поубытчить и скотинишко их не поморить, и впредь, не отписався на Чаронду и не сыскав, так же как и ныне посыланы и сено сведено, не посылать, чтоб такую вашу присылкою ссора и убийство не учинились». Обращает на себя внимание прозвучавшее в этом документе резкое напоминание монастырским властям о юридической подведомственности земельных споров: «А на Чаронде, — заключает воевода, — по государеву указу всегда посыланы живут воеводы, и Чарондская округа ведома на Чаронде, а не в Кириллове монастыре».⁶

Земельные конфликты — уже не с крестьянами, а с помещиками и местным духовенством — возникали и в процессе освоения новых земель на плодородном юге, в Диком поле. Когда Кириллов монастырь получил царское пожалование в Шацком уезде (правда, вопреки указу, ограничивавшему пожалования монастырям пятью стами четвертей, новая вотчина оказалась в шесть с лишним раз больше), помещики Иван Дураков и Макар Яковлев совершили вооруженное нападение на вновь основанное кирилловское село, завладели монастырской «денежной казной, и всяким обзаведением, похваляясь сечь всякое монастырское строение и крестьянские дворы». На спорные земли предъявили претензии также тамбовский епископ Питирим и царский духовник протопоп Благовещенского собора Меркурий.⁷

Споры между обителями не уступали в своей остроте конфликтам с помещиками и черными крестьянами. В Белозерском уезде монах Новинского монастыря Порфирий приехал на спорную пустошь «со многими людьми», вооруженными пищалями, кистенями и саблями, потоптали посеянный кирилловскими крестьянами хлеб, «на пашне били и грабили, и из пищали стреляли», похваляясь и впредь «Кириллова монастыря на крестьян убийством и грабежом, и подметом, и пожегом». В ответ 16 июля 1687 г. против Новинской вотчины был послан отряд из 47 монастырских стрельцов и 29 крестьян (по другим данным, «слуг и служебников и стрельцов <...> человек со сто и больши», «с луки, и с пищали, и з бердыши, и с сабли, и с топоры, и с косы, и с рогатины, и с чеканами, и з булавами»), напав к ночи на возвращавшихся с полевых работ новинских крестьян, «тех крестьян и жен и детей учили бить и грабить, и из ружья стрелять, и саблями и бердыши и топорами сечь, и чеканами и булавами бить до умертвия, и сеченых и побитых в реку Максу бросать». Подобная, очевидно из ряду вон выходящая жестокость вызвала вмешательство Москвы: по указу царя Алексея Михайловича белозерскому воеводе было велено виновных «бить кнутом несчадно <...> за их воровской приезд и смертные убийства».⁸

Взаимные претензии, споры, постоянные нарушения многократных полюбовных записей были характерны для взаимоотношений Кириллова и Ферапонтова монастырей. «И владеете <...> ферапонтовской землей насильством», — обращался к властям Кирилло-Белозерского монастыря автор

⁶ Горфункель А. Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря... С. 235.

⁷ Там же. С. 238.

⁸ Там же. С. 242—243.

сохранившегося отрывка из судебного дела 1660 г. Ворвавшиеся в Феррапонтовскую вотчину по приказу кирилловского келаря Ильи монастырские слуги со стрельцами и дворовыми людьми, «человек с 50 и больши», вооруженные пищалями, бердышами, топорами и дубинами, «били и грабили» феррапонтовских крестьян, выбивая двери и окна в избах, забирая лошадей, крестьянскую утварь и хлеб.⁹

С 1620-х гг. до конца XVII в. тянулись земельные споры между Кирилловым и Антониево-Сийским монастырями в Неноксе, где захвативший общинные угодья кирилловский приказчик монах Феофил вооружил своих слуг и, по жалобе игумена Антониево-Сийского монастыря Игнатия, велел «наших служек и служебников <...> убивать насмерть». Обиженная сторона не оставалась в долгу: «И нам тако ж мочно такая дурость учинити, — писал игумен Игнатий Феофилу, — людей прибавим и велим тако же бити, и меж нами учинится убийство».¹⁰

Не менее суровый характер принимали взаимоотношения кирилловской администрации и подвластных ей крепостных крестьян. В 1668 г. старец Самойло Онежанин «правил безмерным правежем монастырской вотчины села Сизмы на крестьянех денежные доходы, и от того ево Самойлова немерного правежу многие крестьяне лежали недели по две и по три, а деревни Родины крестьянин Ивашко Прокофьев лежал от ево Самойловых побои шесть недель и умре».¹¹

В 1686 г. крестьяне села Куликово жаловались: «Обиды и изгони стало нам от него, старца Корнилия, много <...> А мы, бедные, бродили по пояс (в воде. — А. Г.) и живот свой мучили, и мы, сироты, по захождении солнца вышли из болота на берег и ему, старцу, били челом, чтоб отпустил домой, потому что мокры и огня с нами и одежды не было. И он, старец, загонил нас опять в болото и велел начевать на реке с собою, а он, старец, приехал на телеге с шубами да с войлоки и с япанчей. И мы ему били челом и стояли перед ним с час в ночи, чтоб отпустил нас домой, и он перезнобил нас и насилу отпустил».¹²

В другой монастырской вотчине, в селе Рукина Слободка, читаем мы в одной из многочисленных крестьянских челобитных 1693 г., «хлебного сбору старец Филарет Левшин правит на нас, сиротах, в вашу монастырскую житницу оброчного хлеба, и бьет на правеже без пощады». Характерно, что правеж, при котором, по многим другим свидетельствам, старец Филарет жалобщиков «бьет насмерть», именовался в вотчинных документах «монастырским смирением».¹³

Ссылаясь на невозможность выплатить оброк, на «конечное разорение» из-за неурожая, вотчинных и государственных оброков и повинностей, скотского

⁹ Там же. С. 244.

¹⁰ Там же. С. 243.

¹¹ Горфункель А. Х. Антицерковная борьба крестьян в XVII в. (По материалам вотчины Кирилло-Белозерского монастыря) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1960. Вып. 4. С. 249.

¹² Там же. С. 251.

¹³ Там же. С. 249.

падежа, взывая к милосердию («государь, смилуйтесь, пожалуйста», «не велите меня, вдову, на правеже убить», «не велите нас в оброчном хлебе на правежу забить»), челобитчики вспоминали небесных покровителей монастыря: «Для пречистые Богородицы и чудотворца Кирила <...> государь, смилуйтесь». ¹⁴

Напоминание об особом положении монастыря — не рядового вотчинника-землевладельца, а святой обители, постоянно звучит в обращениях, связанных с земельными спорами, в которых столь деятельное участие принимали старцы Кириллова и соседних монастырей. «Не гораздо меж святыми места вражду чините», — укоряла царская грамота 1616 г. братию Кириллова и Соловецкого монастырей в связи с их затянувшимися спорами в Золотице. ¹⁵ «Не пригоже промеж собою в сосетстве места святыя продавать», — вторил ей в 1660 г. патриарх Никон по поводу описанных выше сражений между Кирилловым и Ферапонтовым монастырями. ¹⁶ «И вам в том мало чести будет. И святым местам только убытки наводите», — упрекал соседей игумен Антониево-Сийского монастыря Игнатий, завершавший свое письмо напоминанием о нарушенном идеале монашеской жизни: «И то твое не истинно иноческое житие». ¹⁷

Укоры в несоблюдении правил иноческой жизни, в нарушении монастырского устава были не в новинку старцам Кириллова монастыря. При знакомстве с новыми обвинениями в их памяти не могли не возникнуть куда более резкие и суровые упреки, прозвучавшие за 100 лет до описываемых событий в знаменитом «Послании царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси в Кирилов монастырь игумену Козме, иже о Христе з братиею», датированном по списку Софийского собрания РНБ 20 сентября 1573 г. Д. С. Лихачев в археографическом комментарии к публикации 1951 г. перечисляет 28 списков «Послания», в том числе один из Кирилло-Белозерского собрания ГПБ (РНБ), один в составе рукописи «кормовых» и «даяльных» книг Кирилло-Белозерского монастыря, ныне в составе Софийского собрания, а также упоминает в примечании еще «несколько списков» из Кирилловского собрания, фотокопии с которых были изготовлены для А. С. Орлова, предполагавшего осуществить его научную публикацию. ¹⁸ Список «Послания» значится в «Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года»; Н. Н. Зарубин задавался вопросом: «Не была ли эта тетрадь оригиналом, присланным Грозным кирилловским старцам?». Еще два списка упомянуты в описях 1646, 1664 и 1668 гг. ¹⁹ Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что «Послание» Ивана Грозного не могло не быть на памяти, а то и на слуху по крайней мере

¹⁴ Горфункель А Х Антицерковная борьба крестьян в XVII в С 250

¹⁵ Горфункель А Х Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря С 243

¹⁶ Там же С 244

¹⁷ Там же С 243

¹⁸ Послания Ивана Грозного / Подгот текста Д С Лихачева и Я С Лурье, Под ред В П Адриановой-Перетц М, Л, 1951 С 562—565

¹⁹ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост З В Дмитриева и М Н Шаромазов СПб, 1998 С 133, Библиотека Ивана Грозного Реконструкция и библиографическое описание / Сост Н Н Зарубин, Подгот к печати, примеч и дополнения А А Амосова, Под ред С О Шмидта Л, 1982 С 48

у той части кирилловской братии, которая была связана с хранением, чтением и перепиской книг монастырской библиотеки. Был этот текст, несомненно, известен и за пределами Кириллова монастыря: среди сохранившихся рукописей упоминаются списки в сборнике из «библиотеки царевичей», в Софийском собрании, в библиотеке Александро-Свирского монастыря;²⁰ да и многие другие списки, ныне числящиеся в библиотеках в составе собраний ученых и коллекционеров, в прошлом, несомненно, переписывались и находились в книгохранительных палатах монастырей и были доступны по крайней мере части их тогдашних обитателей.

В своем «Послании» Иван Грозный напоминал монахам о великой традиции, которую заложил основатель обители «великий светильник Кирилл», а вслед за ним — «великие подвижники ученицы его, а ваши наставницы и отцы, по приятию рода духовного даже и до вас. И святой устав великого чудотворца Кирила, яко же у вас ведется. Се у вас учитель и наставник! — от сего учитесь, от сего наставляйтесь, от сего просвещайтесь, о сем утверждайтесь; да и нас, убогих духом и нищих, благодатию просвещайте».²¹ Следование уставу и наставлению основателя монастыря приравнивается в «Послании» Ивана Грозного к подвигу апостолов начальной христианской Церкви, отступление же от этой традиции — к предательству Иуды: «Яко же апостоли Христу сраспинаеми, и соумеръщвляеми, и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последствовати великому чудотворцу Кирилу, и предание его крепко держати, и о истинне подвизатися крепко, и не быти бегуном, пометати щит и иная, но вся оружия Божия воспримете, и не предавайте чудотворцова предания никто же от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне страстолюбия ради».²² В явных и позорных отступлениях от иноческого устава, сделанных игуменом монастыря ради послабления прихотям новых монастырских насельников боярина Ивана (Ионы) Шереметева и Ивана Хабарова, автор «Послания» видит не только «чудотворцову преданию преступление», но и отречение от всей традиции русской фиваиды, монашеских подвигов Сергия Радонежского и его предшественников, учеников и последователей, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Дмитрия Прилуцкого, Пафнутия Боровского. Это они, «великие светилницы» и «мнози преподобнии в Рустей земли, уставили уставы иноческому житию крепостныя, якоже подобает спастися», это вопреки им расположившиеся своевольно в Кирилловской обители бояре «свои любострастныя уставы ввели».²³

«Ино то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание?»²⁴ — гневно вопрошает братию Иван Грозный, утверждая, что с нарушением монастырского устава в Кириллове монастыре Шереметевым и Хабаровым там уже «иночес-

---

²⁰ Послания Ивана Грозного С 562—565, Кукушкина М В Монастырские библиотеки Русского Севера Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв Л, 1977 С 146

²¹ Послания Ивана Грозного С 163

²² Там же С 167

²³ Там же С 172

²⁴ Там же С 178

кого жития нет»: ²⁵ «Воистинну, отцы святии, несть сии черныцы, но поругатели иноческому житию!» ²⁶

В данном случае для нас существенны не литературные особенности стиля «Послания» Ивана Грозного в Кириллов монастырь (изученные в трудах Д. С. Лихачева) и не политические причины его полемики (борьба с мятежными боярами, находившими в монастыре нечто вроде — впрочем, весьма эфемерного — убежища); даже — не справедливость или произвольность конкретных предъявленных царем Иваном кирилловской братии обвинений, хотя, как кажется, нет оснований сомневаться в их обоснованности. Суть дела в лежащем в основе всей риторики царского «Послания» протесте против вопиющих нарушений монастырского устава, в несоблюдении правил «истинно иноческого жития» — и здесь, независимо от собственных пороков, намерений и мотивов грозного полемиста, его правота и основательность предъявленных им монастырской братии требований не подлежит никакому сомнению и только так могла восприниматься читателями-современниками, как монашествующими, так и мирянами.

Обличая нарушения монастырского устава новопостриженниками из бояр, Иван Грозный ссылался на известное речение: «Свет иноком ангели, свет же миряном иноки», восходящее, очевидно, к словам Иоанна Лествичника: «Свет убо иноком ангели, свет же всем человеком иноческое жителство». ²⁷ Формула эта была, несомненно, широко известна на Руси: от XII—XV вв. дошло более 100 списков славянских переводов «Лествицы». Наряду с другими четырьмя книгами она входила в круг «уставных чтений, обязательных в то время по церковному уставу при богослужении. Использовались они также в чтениях за трапезой в монастырях и для индивидуального чтения». ²⁸ Интерес к ней, по наблюдению Г. М. Прохорова, особенно возрос в конце XV—начале XVI в., «причем в Заволжье, в Кирилло-Белозерском монастыре, кажется, значительно больше, чем в Центральной Руси». ²⁹ Действительно, уже в каталоге рукописей XV в. значится 7 списков «Лествицы», а «Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года» упоминает «Лествицу» среди «Чудотворца Кирила книг»; далее перечислены: «Лествица соборная в десть» (в рукописи сохранилась запись о том, что «Лествицу сию дал князь великий Иван Васильевич»); «Книга, а в ней Лествица з Дорофеем Анфимовская Селиверстрова» (в самой рукописи уточнено: «Благовещенского попа Сильвестра во иноцех Спиридона и сына его Анфима»); «16 книг Лествиц в полдесть, писмен-

²⁵ Послания Ивана Грозного. С. 180.

²⁶ Там же. С. 175.

²⁷ Там же. С. 162; Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Печатный двор, 1647. Л. 208; Ioannes Scholasticus abbas Montis Sina. Opera omnia. Paris: sumptibus Sebastiani Cramoisy, 1633. P. 339 (335).

²⁸ Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 277.

²⁹ Прохоров Г. М. Лествица Иоанна Синайского (или Лествичника) // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 15.

ные», «Три книги Ивана Лествичника в дествь», «Лествица толковая в полдествь» и «Книга Лествица толковая в четверть» — по меньшей мере 24 списка этого чтимого и читаемого памятника находились в монастырской Книгохранительной палате.³⁰ И хотя Г. М. Прохоровым отмечено сокращение количества списков «Лествицы» со второй половины XVI в., позднее ее популярности способствовало печатное издание, осуществленное на московском Печатном дворе в 1647 г. трудами специально для этого призванного инока Соловецкого монастыря книгописца Сергия Шелонина, снабдившего традиционный текст новыми толкованиями и дополнениями, в частности, впервые напечатанными отрывками из «Устава» Нила Сорского.³¹

Достаточно широко представлена «Лествица» в книжных собраниях других северных обителей, тщательно исследованных в монографии М. В. Кукушкиной. В библиотеке Соловецкого монастыря «Лествица» упомянута уже в описи 1549 г.; список 60-х гг. XV в. с «Поучениями» аввы Дорофея был получен, как и список Кириллова монастыря, по вкладу Ивана Грозного. Позднее к ним присоединились новые списки, выполненные в самом монастыре уставщиком Геласием, иноком Макарием Дошениковым, архимандритом Никанором (до его поступления в монастырь). Известно, что патриарх Иосиф «взял» у Сергия Шелонина «его письма книгу лествицу и отослал к печати»; взамен ему был передан печатный экземпляр подготовленного им издания.³² К 1676 г. в Соловецкой библиотеке числилось по описи 34 рукописных и 17 печатных экземпляров «Лествицы»; хранилось там и составленное иноком Герасимом Фирсовым «Похвальное слово Иоанну Лествичнику»³³ К концу XVII столетия 5 списков и 3 экземпляра печатного издания «Лествицы» числились в Николо-Корельском монастыре; 4 рукописи и 2 печатные книги — в монастыре Александро-Свирском, 3 списка — в Красногорском монастыре.³⁴ Список сочинения Иоанна Лествичника находился в богатом (66 рукописей) книжном собрании основателя Антониево-Сийского монастыря игумена Антония, 2 списка поступили в составе книг игумена Феодосия и архимандрита Никодима; в описи монастырской библиотеки 1701 г. упомянуты 10 рукописных и 4 печатных экземпляра «Лествицы».³⁵ К приведенной в «Послании» Ивана Грозного афористической формуле, заимствованной из 26-й главы «Лествицы», «О рассуждении», посвященной одной из высших ступеней духовного восхождения,

³⁰ Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. Сообщение Н. Никольского СПб., 1897 (1898) С. 9, Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. С. 121—133, Библиотека Ивана Грозного С. 40—41

³¹ Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. С. 277—283, Дмитриев Л. А., Сапожникова О. С., Чумичева О. В. Сергей (по прозвищу Шелонин, в миру Семен Михайлов, по прозвищу Москвитин) // Словарь книжников СПб., 1998 Вып. 3, ч. 3 С. 343—351

³² Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера С. 79—80, 97—98, 129, Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. С. 283

³³ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера С. 164, 170

³⁴ Там же С. 44—45, 176

³⁵ Там же С. 84, 107, 113, 173

несомненно, восходит и упрек в «неистинно иноческом житии», выраженный в письме антониево-сийского игумена Игнатия.

Недостойное ангельского образа поведение иноков, осуждаемое в «Послании» Ивана Грозного (с опорой на обильно приводимые его автором высказывания византийских писателей),³⁶ касается соотношения повседневного быта и строгого монашеского обета. Как правило, обвинения в «Послании» не выходят за пределы храма, монашеской кельи, трапезной: речь идет о необходимости строгого соблюдения иноческой дисциплины во всем, что касается обихода, постов, аскетического образа жизни, всех правил монастырского общежития, о недопустимости обжорства и пьянства, особого, вольготного, свободного от аскетических ограничений мирского боярского жития, замены «крепкого» Кириллова устава снисходительным к человеческим слабостям и порокам «шереметевским» уставом, когда «весь обиход монастырской крепостной испразнится и будут все обычаи мирския».³⁷

Вместе с тем, протестуя против отхода от правил, искони заведенных в общежительных монастырях, против привнесения в святую обитель сословных привилегий, господствующих в мирской жизни, венчаный полемист, используя авторитетные тексты Илариона Великого, косвенно затрагивает и феодальные привилегии самого монастыря, его богатства и преимущества, законодательно закрепленные в социальной структуре Московского государства. Исследователями (в частности, С. О. Шмидтом) отмечено созвучие морального пафоса «Послания» Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь с наметившимися в эти же годы попытками ограничения монастырского землевладения, выразившимися в запрещении крупных земельных и денежных вкладов, в прекращении выдачи иммунитетных грамот, в правительственном контроле над доходами и имуществом монастырей.³⁸ Эта тенденция, пусть не всегда последовательная, была характерна также для правительственной политики Бориса Годунова и его преемников на протяжении всего XVII столетия.³⁹

Однако упреки, прозвучавшие в царских и патриарших грамотах, обличения произвола кирилловских властей в посланиях местных воевод и настоятелей соседних монастырей, равно как и обращение крепостных крестьян к авторитету небесных покровителей монастыря в ответ на жестокости «монастырского смирения» со стороны «хлебного сбору старцев» — все это не только продолжает обличения, прозвучавшие в «Послании» Ивана Грозного, но и далеко выходит за очерченные в нем пределы. Напоминания об иноческом обете в приведенных выше документах затрагивают повседневную хозяйственную деятельность монастыря-вотчинника.

³⁶ Д у й ч е в И. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 171—172.

³⁷ Послания Ивана Грозного. С. 172.

³⁸ Ш м и д т С. О. О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 163—166.

³⁹ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. С. 13—14; Г о р - ф у н к е л ь А. Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря... С. 221—222.

Характерно при этом, что жестокие вооруженные конфликты захватили даже столь близкие — не только территориально, но и по своему происхождению — монастыри, как Кириллов и Ферапонтов, основанные первыми прибывшими на Белоозеро иноками московского Симонова монастыря. Не менее показательным и то, что среди соседних обитателей, вступавших в острые земельные споры с кирилловскими старцами, мы не встретим только одной в подобного рода документах ни разу не упоминается Нило-Сорская пустынь, расположенная совсем неподалеку от Сиверского озера и Кирилло-Белозерского монастыря. С нестяжателями межевых ссор не возникало и возникнуть не могло. То искажение «ангельского облика», о котором единодушно, с тревогой или гневом, обличая или смиренно жалуясь, говорят современники, явилось прямым порождением иосифлянства.

Самое существование монастыря как земельного собственника, владельца сложного и разветвленного земледельческого и промыслового хозяйства, его многообразная экономическая и административная деятельность, осложнявшаяся к тому же обязанностями, возложенными на него государственной властью (строительство крепости, устройство ее обороны на случай войны, обеспечение ее вооружением), необходимость содержания помимо собственно монашеской общины большого служебного аппарата, включавшего 30 слуг, 45 приказчиков, 284 особых слуг, «которые жалуются в доводчики и нарядчики», и 30 стрельцов, не считая самих старцев, принимавших участие в управлении вотчиной,⁴⁰ — все это неизбежно приводило к повседневным нарушениям строгого монастырского устава и лежавших в его основе принципов аскезы и отвержения мирских забот. Поэтому упреки, обращенные к монашествующим, были вызваны не одними личными их особенностями и не просто забвением требований монастырского устава, но и реальными обстоятельствами жизни и деятельности монастыря-вотчинника в Российском государстве XVII столетия.

Приведенные документальные свидетельства были рассмотрены в моем давнем (1956 г.) диссертационном сочинении и в опубликованных в последующие годы статьях.⁴¹ В связи с поставленной тогда исследовательской задачей они являлись предметом изучения в контексте истории социально-экономической, с целью анализа господствующих в Российском государстве XVII в. общественных отношений, эксплуатации крепостного крестьянства вотчинником-феодалом и возникавших на этой почве социальных конфликтов.

---

⁴⁰ Горфункель А. Х. Антицерковная борьба крестьян в XVII в. С. 251

⁴¹ Горфункель А. Х. 1) Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1956. 2) Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI веке // Учен. зап. Карело-Финского пед. ин-та. Петрозаводск, 1956. Т. 2, вып. 1. С. 90—111. 3) К вопросу об историческом значении крестьянской войны начала XVII века // История СССР. 1962. № 4. С. 112—118. 4) Термин «бобыль» в источниках XVII века (по материалам вотчинного архива Кирилло-Белозерского монастыря) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., Л., 1963. С. 640—647 (и статьи, указанные в примеч. 1 и 11).

Но эти же свидетельства отражают помимо столкновения имущественных, экономических интересов сторон — вотчинников, государственной власти, крепостных крестьян — также и осознание участниками разворачивающейся на наших глазах исторической драмы того монашеского идеала, осуществлением и воплощением которого, согласно единодушно разделяемой ими всеми точки зрения, являлось — или должно было являться — и во всяком случае оправдывалось само существование общежительных монастырей в Российском государстве этого и предшествующих столетий. При всей остроте отраженных в документах противоречий несомненно признание всеми участниками конфликтов действительности самого монашеского идеала — того «истинно иноческого жития», с которым соотносились и именем которого оправдывались или осуждались действия сторон. В то же время все очевиднее становилась несовместимость требований строгого аскетического монашеского устава со смертоубийствами на меже, становящимися едва ли не постоянными, во всяком случае достаточно частыми и впечатляющими событиями повседневной хозяйственной жизни вотчинников-монастырей.

К такому пересмотру сложившейся традиции вели и глубинные перемены в общей социально-политической ситуации в государстве. Объективные причины, способствовавшие — как выяснилось, непомерному — росту вотчинного монастырского землевладения на протяжении предшествующих столетий, перестают играть определяющую роль в жизни страны. Монастырское землевладение объективно ограничивает рост землевладения дворянского, помещичьего, связанного с военной службой, с потребностями внешнего и внутреннего укрепления государства. Да и сами монастыри постепенно перестают играть роль столь необходимой опоры государственной централизации, а их разросшиеся владения и огромная (и привилегированная) экономическая мощь становятся скорее помехой для дальнейшего укрепления самодержавия.

Меняется и военная роль монастырей. Если крепостные сооружения Троице-Сергиевой лавры и Кириллова монастыря сыграли решающую роль не только в их собственной защите, но и в обороне страны в Смутное время, то огромная крепость, возведенная в Кириллове стараниями замечательного зодчего Кирилла Серкова во второй половине XVII в. ценой непомерных усилий и монастыря, и его крепостных, оказалась не востребованной. Фактически ее сооружение было уже делом не вотчинно-монастырским, а государственным. (В дальнейшем, в царствование Петра I, опыт, накопленный во время этого грандиозного предприятия, был использован уже непосредственно государством — при строительстве новой северной столицы империи.)

Изменение экономической, политической и военной роли монастыря-вотчинника, отпадение некоторых из прежде необходимых его общественных функций приводили к глубоким и существенным переменам в отношении к нему и в оценке его деятельности, к новому восприятию противоречия между хозяйственно-практической деятельностью монастыря и святостью монашеского обета со стороны царя и патриарха, воеводы, соседей-вотчинников и крепостных.

Кризис (а по сути «конечное разорение») крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря к концу XVII столетия явился результатом не только роста внутривотчинной эксплуатации крепостных, барщины и оброков, но и непомерной тяжести государственных повинностей и поборов. Все более принимая на себя функции, до этого исполняемые монастырем, государство постепенно переходило от политики ограничения монастырского землевладения к его секуляризации — сперва частичной и непоследовательной, так до конца и не осуществленной при Петре I, затем — решительной и окончательной в царствование Екатерины II.⁴²

Представляется, что эта мера оказалась благом не только для государства, получившего в свое распоряжение значительные земельные владения, давно освоенные и обработанные трудом монастырских крестьян, и не только для крестьян, сменивших крепостную зависимость на положение крестьян экономических, близкое к положению государственных, черносошных крестьян, но и для самих монастырей и монастырской братии, правда, лишившейся серьезного экономического фундамента своего хозяйственного существования, но и освобожденной от забот, приходивших в противоречие с аскетическими требованиями монашеского обета, *истинно иноческого жития*.

---

⁴² Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерк истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С. 103—154.